

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Психоаналитический взгляд на взаимосвязь истерии и нарциссизма

*А. А. Степанова,
А. С. Лейкина*

Степанова Александра Александровна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Лейкина Ася Семеновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психоаналитический психотерапевт, клинический психолог, сертифицированный мастер-супервизор Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования, ассоциированный член МПА.

Значительная часть психоаналитических исследований сосредоточена на рассмотрении истерии и нарциссизма как отдельных личностных нарушений. Однако в данной работе проводится анализ, показывающий, что начиная с классических психоаналитических взглядов до современных представлений о данных феноменах возможно выявление точек их пересечения. Обобщены психоаналитические представления о нарциссизме и истерии, их происхождении и видах. Особенное значение уделяется исследованиям французской психоаналитической школы, особенно концепции хиазма нарциссизма и истерии А. Грина, где выявлены ключевые психоаналитические параметры взаимосвязи данных феноменов. Прослежены изменения в методологическом переходе – от анализа и описания симптоматических проявлений данных расстройств до построения моделей, теорий и концепций их понимания. В настоящем исследовании показаны структурные, функциональные и генетические пересечения и возможности взаимного «превращения» данных нарушений, их связей с объектными отношениями, конфликтом, тенденциями, бисексуальностью и др. Теоретически и практически обосновано наличие взаимосвязи истерии и нарциссизма, а также возможности повышения терапевтической эффективности психоаналитической работы с данными личностными нарушениями, то есть с истерическими проявлениями нарциссической личности и нарциссическими особенностями истериков.

Ключевые слова: психоанализ, истерия, нарциссизм, хиазм, взаимосвязь, личностное нарушение, объектные отношения, конфликт, фиксация, эмпатия.

Понимание истерии и нарциссизма является ключевым и необходимым в теории и практике мирового психоанализа, тесно связано с его историей и методологией. Развитие последней происходило параллельно изучению данной проблематики, однако содержательные линии исследования истерии и нарциссизма практически не пересекались. Это представляется крайне интересным фактом в истории психоанализа и открывает широкое пространство для современных исследований, в которых данные линии все более сближаются (см. современные исследования в школе французского психоанализа, например Грин, 2007; *Roussillon*, 2012), обнаруживая важнейшие точки взаимного пересечения. В настоящей работе мы рассмотрим теоретические основания совместного изучения и проработки истерии и нарциссизма.

Рассмотрение данных оснований может быть развернуто в обращении к классическим и современным психоаналитическим исследованиям. В классическом психоанализе истерия и нарциссизм были исходно разделены, однако постепенно их рассмотрение начинает сближаться. Так, З. Фрейд в основном рассматривал генитальную истерическую проблематику, остальные фиксации, например анальные и оральные, им практически не изучались. Догенитальные основания истерии были выявлены в объяснениях доминирования женской истерии и оральных фиксаций через анализ отношения девочек к материнской груди как первичному объекту удовлетворения, на основании чего и обнаруживаются сексуальные, либидинальные, агрессивные и нарциссические фиксации, значимость которых особенно высока в системе взаимоотношений матери и дочери и совершенно иных взаимоотношений матери с сыном (Фрейд, 2010). Со второй половины XX столетия психоаналитики стали подчеркивать, что З. Фрейд не отдал должного внимания изучению эмоциональной сферы личности, предпочитая анализ психических репрезентаций влечений, что парадоксальным образом привело к несоответствию заявленного преобладания телесных потребностей фактическому разделению души и тела в классическом психоанализе (Кляйн и др., 2001; Рождественский, 2019). Он считал, что пациенты переживают страх перед желанием, осуждаемым Суперэго, которое не выходит обмануть путем переноса эротизации на функцию Эго (Фрейд, 2010). Это нашло свое отражение и в работе с истерией, что отмечается рядом авторов (Гринсон, 2003; Егоров, 2019). Феномен истерии стал доступен для особого психологического изучения, для чего была разработана специальная психоаналитическая методология (Кернберг, 2012; Фрейд, 2010). Истерическая симптоматика должна была быть подвержена декодированию и расшифровке, приводя к пониманию причин невроза на материале реальных жизненных случаев (Мазин, 2011). При этом в современных исследованиях выделяются три направления теоретического понимания истерии: во-первых, как расстройства психосексуального поведения; во-вторых, как результата травмирующего воспитательного воздействия; в-третьих, как интеграции психодинамических, поведенческих и гуманистических линий развития субъекта (Мешандин и др., 2016). Однако по-прежнему актуальной остается позиция, согласно которой истерическое реагирование сохраняет универсальный характер

(см., например, *Hoch et al.*, 1949). Важным представляется, что появление разнообразия представлений об истерии и соответствующих им логик терапевтической работы с данным феноменом не помешало развитию психоаналитического движения и его встраиванию в систему социальных и культурных практик, где и находилось подтверждение полученным данным (Райкрофт, 1995; Лапланш, 1996). Надо отметить, что постепенное удаление от логики симптоматического описания и приближение к логике построения моделей происхождения истерии привело к изменению диагностических и терапевтических процедур. Заметим, что расширение в понимании данного феномена способствовало не только осознанию многообразия его симптоматических проявлений и постепенному разделению, но и выявлению малоизученных особенностей возникновения истерии.

В современном психоанализе представления об истерии связаны с изучением свойств истерической личности, которые по разным описаниям могут быть сведены к высоколабильной патологической аффективности, выраженному художественному типу мышления, внушаемости и самовнушаемости, эгоизму и эгоцентризму, воображению и склонности к визуализациям, гиперконформности, отсутствию плана действия (Семке, 1988; *McGinley et al.*, 2018). Перечисленные признаки являются дополнительными клиническими наблюдениями за истериками, выявившими истерическую претенциозность и агрессивность (что означает доминирование аффекта над логикой), возникновение конфликта истериков с окружающей действительностью. Согласно отечественным исследованиям, следствием этого являются многочисленные уловки, ложь и обман, демонстративное поведение и эпатажность, которые применяются истериками для получения желаемого (Мясищев, 1939; Ткаченко, 2016). В контексте поиска «точек пересечения» данных исследований с работами по нарциссизму можно подчеркнуть, что в синдроме злокачественной истерии, рассматриваемой как карикатурно-гротескное заострение истерических черт, можно выделить: высокий эмоциональный дефицит, связываемый с утратой родственных отношений, игнорирование «интересов и витальных потребностей членов семьи, сочетающихся с дисфункциональностью когнитивной сферы» (что создает соответствующие проблемы с обучаемостью, ассоциативным мышлением, практическим интеллектом ребенка), наличием грубых психопатоподобных нарушений, странностей поведения, неадекватности в выборе психологической дистанции по отношению к другим, излишней прямолинейности и излишним самораскрытием в личных отношениях (Жилин, 2020, с. 140). Примечательно, что эти данные согласуются у представителей разных научных школ, при этом отмечается превалирование клинического подхода в рассмотрении истерии над психоаналитическим (Попов, 2019; *Schaeffer*, 2000). Таким образом, в появлении истерии и нарциссизма речь идет о неадекватных эмоциональных отношениях с родными людьми, постепенно приводящим к конфликтам с окружающим миром.

Согласно психоаналитическим исследованиям М. Кхана, преждевременное сексуальное развитие является реакцией на неадекватный материнский уход: недостаточное понимание и поддержка со стороны матери вызывает первичные тревоги и страхи ребенка. Дефицит понимания и поддержки, столь значимые в современном обществе и мировой культуре (что не требует отдельного пояснения), создают, по М. Кхану, угрозу интеграции Эго, появляющегося в ранний период, в результате чего происходит искусственное усиление телесного Эго и использование его сексуальности (Khan, 1974). На этом основании М. Кхан показывал диссоциацию между сексуальным опытом и творческой реализацией Эго, из-за чего взрослый истерик снимает тревогу через сексуализацию, но при этом выстраивает объектные отношения, включает сексуальный аппарат вместо эмоциональных переживаний и нормально функционирующего Эго. Истерическая личность считает себя обделенной и убеждена в том, что является непонятой другими, что не получает того, чего явно заслуживает. В этом выражается переход дефицита поддержки и понимания со стороны значимого объекта в претензию на подобное отношение и внимание со стороны всех других объектов, затем со стороны всего окружающего мира, что и становится причиной возникновения конфликта. Отсутствие детской поддержки и внимания во взрослом периоде переносится на других в том смысле, что человек не понимает своих истинных желаний и приписывает это свойство другим, считая, что это они его не понимают и не могут удовлетворить его потребности (*Ibid*). Значит, дефицит любви, заботы и поддержки у истериков связан с отсутствием правильно выстроенных отношений с матерью как первичным объектом и наиболее значимым лицом. Затем данный дефицит приводит к появлению претензии к другим и вырождается в конфликт с миром, связанный с неспособностью к построению собственных адекватных отношений с другими.

Интересно, что именно об этом писала К. Хорни, показывая, как базальная тревога связана с разрушением чувства безопасности в межличностных взаимоотношениях ребенка с родителями. Согласно ее работам, само отсутствие безопасности вызывает враждебность по отношению к тем лицам, которые обязаны эту безопасность обеспечивать; именно это отсутствие безопасности вызывает базальную тревогу, впоследствии проецируемую на других людей до тех пор, пока индивид от нее не избавится. Хорни говорила, что в этом случае у человека появляется ощущение отсутствия любви к себе, связываемое с обеспечением чувства безопасности и ожиданием внимания со стороны (Хорни, 2020). Это крайне похоже на претензию, о которой было сказано выше. Логичным решением для такого человека является получение заслуженного по его представлениям восхищения как подмены отсутствующей любви, получить которую уже не представляется возможным (первичный объект нельзя восстановить, сделать искусственно и т. п.). Проблема в терапевтической работе с истериками по К. Хорни состоит в переживании ими чувства безнадежности, требующего особого внимания аналитика и глубокой проработки (*Ibid*). Следовательно, Хорни полагает, что типичной ситуацией при истерии является поиск подтверждения собственной значимости и самооценности,

что связано с чувством безнадежности и необратимости того, что с ними случилось. Дефицит внимания и безопасности представляется истерикам тотальным, невосполнимым, открывает тем самым высокое чувство трагического, нечто театральное, что заставляет быть демонстративным, показательным, видным и заметным всем окружающим. Из этого следует вывод об утрате в истерии чувства реального и адекватного в стремлении к восхищению со стороны других, что тоже выражается в глазах, в способности отражаться. Здесь снова наблюдается параллель с линией изучения нарциссизма: в мифе о Нарциссе герой безответно влюбляется в собственное отражение в воде.

Обобщая, можно сказать, что характерными чертами истерии как особого психического заболевания являются: тип самоотождествления, механизм вытеснения, выражаемый в фаллическом и оральном регистрах либидо, эдипов конфликт. В работах первых аналитиков отмечается биологическое происхождение, богатая и изменяющаяся симптоматика данного заболевания. Догенитальное происхождение истерии связывает ее с инцестуозным нарушением, невротическими и сексуальными проблемами, слабым телесным Эго, чувством собственной беспомощности и стремлением к защите через идентификацию с другими. Здесь можно отметить, что на основании прослеживаемых сходств истерии и нарциссизма внешние выражения истерии в многообразии истерических черт характера, выражающиеся в демонстративно-театральных, игровых, манипулятивных и агрессивных проявлениях истериков, могут быть поняты и как предпосылка нарциссического аспекта личности данной категории пациентов.

Рассмотрим эти связи со стороны линии психоаналитических исследований нарциссизма, само понятие которого было введено в психоанализ в 1914 году З. Фрейдом, который тогда понимал под ним либидинозный катексис представления человека о самом себе (Фрейд, 2010). Иногда полагают, что появление широкого круга значений данного термина в психоанализе и психологии в целом связано с тем фактом, что З. Фрейд не включил разработанную им теорию нарциссизма в его общую теорию влечений и структурную модель (Мазин, 2011; Фрейд, 2006; *Balint*, 1965). Классический психоанализ вывел две формы нарциссизма: 1) первичный нарциссизм, связанный с выражением сексуальности ребенка, в которой либидо обращено к самому себе; 2) вторичный нарциссизм, с направленностью сексуальности взрослого, относящейся к его собственному Эго (Фрейд, 2006). Таким образом, первичный нарциссизм ребенка имеет решающее значение в развитии структуры его характера и отношений с миром. При этом в рассмотрении нарциссизма различаются я-либидо (нарциссическое либидо, в отношении которого важным является рассмотрение либидинозных фаз развития, т.е. фаз развития либидо) и объект-либидо (Фрейд, 2010). З. Фрейд был убежден, что исходно оба вида либидинозной энергии едины и обнаруживаются в состоянии нарциссизма. Затем по мере проявления привязанности к объектам возникает возможность отделения сексуальных влечений от влечений Эго. Фрейд исходил из того, что объект-либидо переходит в я-либидо,

и это нормальное явление, наблюдаемое, например, в снах. При пробуждении я-либидо спонтанно и свободно перетекает в объект-либидо. Если же по каким-то энергетическим причинам сексуальность отображена у объекта, нарциссическая личность может заново не суметь их соединить. Выраженная дисфункция подвижности либидо приводит к тому, что оно может вдруг стать патогенным. Есть предположение, что фиксация либидо, с которой связано выражение отдельного симптома, происходит на стадии примитивного нарциссизма. Возникает конфликт между сексуальными влечениями и влечениями Эго, что приводит к нарциссическому неврозу (Шварц-Салант, 2017; Kernberg, 1975). Итак, изучение нарциссизма в классическом психоанализе не привело к выделению единого понимания данного феномена и его структуры в характере человека. Нарциссическая структура связана с ранним детством, объектными отношениями, самоотношением, фазами развития либидо, фиксациями в психосексуальном развитии, деструктивностью и психологическими защитами. В исследованиях первых аналитиков выделены виды и формы нарциссизма, связи с невротическими нарушениями (Райкрофт, 1995). Примечательно, что уже в классических представлениях о нарциссизме психоаналитический акцент связан с конфликтом и сексуальностью, которые затем выходят во внешний план отношений и поведения. Это обстоятельство очень напоминает действие указанного в случае истерии дефицита.

В настоящее время понятие «нарциссизм» используется в психоанализе для обобщенного описания и изучения четырех разных феноменов: 1) самооценки (как нарциссически высокой самооценки, так и болезненного чувства неуверенности личности в себе); 2) либидинозной фазы развития человека; 3) нарциссических объектных отношений; 4) сексуальных отклонений (Шварц-Салант, 2017). При расширении форм маркирования разных феноменов словом «нарциссизм» стало возникать представление об особой нарциссической культуре и ее уникальных технологических основаниях, к которым относятся цифровые технологии, позволяющие делать «селфи», т.е. мгновенную цифровую фотографию самого себя, существование особой социальной сети Instagram, позволяющей выкладывать фото в неограниченном количестве, в символической форме оцифровывая свою жизнь. Эта существенная технологическая поддержка наряду с мировыми трендами, связанными с индивидуализацией в медицине, образовании, трудовой деятельности, досуге, сексуальной ориентации, личной жизни, вопросах выбора пола и религии и т. д., создают значительное социальное преимущество для выявления в себе и реализации различных нарциссических черт в норме и патологии (Гиниятова и др., 2019). Необходимо подчеркнуть, что такое «расширение» нормы в отношении нарциссических проявлений делает убедительным реальное положение нарциссической личности в мире, оправдывает ее конфликт и систему убеждений, используемых для морализации, рационализации и интеллектуализации своего места в жизни и отношений, которые она выстраивает с другими. Выражаясь психоаналитическим языком, нарциссическая культура порождена как система ослабления Эго и дозволения к

осуществлению сексуальных влечений в разных формах. Тем самым данная культура и обеспечивающие ее социальные системы делают нарциссизм популярным и широко распространенным явлением в разных сферах человеческой жизни и видах деятельности. При обсуждении клинических случаев нарциссических проявлений пациентов в XX веке существовало два направления. Первое из этих направлений связывало нарциссизм с механизмами психологической защиты от негативных объектных отношений, а второе связывало понимание нарциссизма с выражением фундаментальной недоброжелательности по отношению к объектным отношениям (*Russel, 1985*). Можно говорить о возможности сведения к данным направлениям и многих современных психоаналитических представлений о нарциссизме. Так, Дж. Стайнер не видит необходимости различать смешанные мотивы нарциссических систем, понимая всю неизбежность движения этих мотивов. Он подчеркивал, что вне зависимости от реального набора мотивов основным из них всегда является или либидинозный (защитный) мотив, или враждебный (деструктивный) мотив. Построение нарциссических объектных отношений может быть вызвано направленностью на сохранение способности любить, придавая подобие «самости» объекту любви, но оно может также быть направлено на аннигиляцию объекта как иного, чужого и чуждого. Защитный, но в большей степени деструктивный нарциссизм вызывает агрессию нарциссической личности (Стайнер, 2013а; 2013b). Таким образом, можно заключить, что нарциссизм имеет тесную связь с объектными отношениями и проблемы с их адекватным построением, что выражается в психологических защитах, агрессии и деструктивности.

Интересно, что, например, Г. Розенфельд понимал деструктивную нарциссическую структуру характера как защиту от страха смерти, связанного с импульсами инстинкта смерти, вызывающими устойчивый паралич чувств и продуктивных поведенческих паттернов в структуре нарциссического характера личности (*Rosenfeld, 1971; 1987*). Специфика проявления деструктивности и защит, как и сущность самого феномена нарциссизма, отлична от аналогичных истерических проявлений, но в отношении проблем с объектом, любовью и сексуальностью, построением адекватных взаимоотношений обнаруживаются сходные трудности, связываемые с наличием конфликта и его реализацией (Кернберг 2012). В работах О. Кернберга было показано значение деструктивности в структуре личности как следствие тревоги по отношению к недоступной материнской фигуре, что отсылает к переживаниям истериками недостаточности и неадекватности отношений с первичным объектом, отсутствия поддержки, внимания и понимания. Значит, в современном психоанализе феномен нарциссизма рассматривается в сложных биологических, социальных, культурных связях факторов развития нарциссического расстройства личности, что еще более связывает его с истерическими проявлениями. Недоступность материнской фигуры как главная проблема нарцисса порождает конфликт с собой и миром, вызванный тревогой и порождающий деструктивность в разных ее формах: пассивной (защитной) и активной (агрессивной). Высокая энергия нарциссов устремлена

во внешний мир, что также привлекает внимание и может вызывать восхищение, как и в случае с истериками. Поэтому можно предположить, что нарциссическая культура является «истерической формой» самовыражения и самооправдания нарциссических личностей, созданной для этих целей. Недоступность матери – это не только проблема ее отношений с ребенком, но и проблема переживания ее присутствия, которого ему крайне не хватает, которого он требует, но не получает. Отсюда возникает отчужденность самой матери и ее ребенка. Так, А. Миллер рассматривала нарциссизм как массовую социально обусловленную утрату чувства собственного Я, способности чувствовать и переживать себя и свои отношения с другими людьми. А. Миллер показывает, что в результате определенного типа отношения к ребенку со стороны родителей, близких людей, родственников и друзей формируется особый склад личности, который уже исключает способность проявления своих реальных чувств. Нарцисс учится их скрывать, прятать, отстраняясь от сильных и открытых эмоциональных переживаний, подавляя сильные эмоции и чувства. Скрываемые переживания приводят к конфликтам и ссорам с родителями, друзьями, партнерами по общению, деятельности и межличностным взаимоотношениям. Здесь у него рождается презрение и отчуждение, позволяющие защищать себя, свою боль и пустоту как отсутствие теплых и искренних переживаний. Поэтому А. Миллер говорит о постоянном одиночестве презирающего человека, разрешение проблем которого связано с глубокой психологической работой по восстановлению способности чувствовать себя и других в системе взаимоотношений с ними (Миллер, 2017). Таким образом, у нарциссов, как и у истериков, обнаруживаются многократно теоретически выявленные эмоциональные проблемы с матерью, не сумевшей или не захотевшей выстроить адекватные отношения с ребенком. В результате у них появляются трудности в переживании и выражении своих чувств, ощущение пустоты и утраты себя, тревога и отсутствие чувства безопасности, с которыми они справляются различным образом.

Важное значение в рассмотрении точек пересечения исследовательских линий психоанализа в истерии и нарциссизме имеет французская научная школа психоанализа, которая отличается оригинальностью теоретических разработок, подвергающих глубокому пересмотру классические идеи, выдвигающих на этой основе практические решения, связанные с проблемами и вопросами глобального общества и быстро изменяющегося мира (Психоанализ..., 2016). В контексте настоящего исследования представляют интерес идеи и открытия представителей данной школы, связанные с переосмыслением понятий и представлений о возникновении и развитии истерии и нарциссизма во взаимоотношениях между людьми. Представители данной школы выявили взаимосвязи между данными явлениями с опорой на их параллельное изучение в клиническом, метапсихологическом и постмодернистском подходах (Гиниятова и др., 2019; Руссийон, 2005). Это позволило переосмыслить логику развития нарциссизма и истерии, выделяя важные, объединяющие их детали, которые до этого оставались вне поля исследовательского внимания.

Рассмотрим результаты этих психоаналитических исследований подробнее.

Рассматривая ряд характеристик истерии – депрессивность, припадки, диссоциацию, конверсию, личностные особенности, – В. Капсамбелис различает депрессию и депрессивность, указывая на невозможность найти в депрессивности желаемый объект, что, согласно его позиции, вызывает постоянную неудовлетворенность, разочарование, чувство уныния, бессмысленности и бесполезности происходящего. Проводя параллель с нарциссическими расстройками, подчеркивается, что в них бессмысленность и бесполезность выражены гораздо больше. В свою очередь, в жизненном мире истериков В. Капсамбелис выделяет более высокий разрыв между фантазиями и реальностью, который может приводить к трагическим последствиям. В их личностных особенностях выявляется театральность, определенная игра, связываемые с сексуальностью и некоторой степенью демонстративности, что отмечалось выше. Он отмечает, что среди небольшого числа пациентов имеются те, для которых значимы любовные победы и завоевания, что позволяет им сохранять желание и влечения. Из этого В. Капсамбелис делает вывод, что мужская истерия сопровождается проявлениями нарциссической организации личности, в которой явно соперничество с отцовской фигурой при постоянном страхе кастрации. Это психоаналитически обосновывается им фиксацией на эдиповой стадии и идентификации с фаллосом (Капсамбелис, 2021). Таким образом, данное исследование указывает на реальные возможности проявления нарциссических особенностей личности в истерических нарушениях при сохранении различий между истерией и нарциссизмом.

Основываясь на клиническом материале, Р. Руссийон еще более радикально пишет, что первичный нарциссизм нереален, поясняя это ролью объекта: мать и ребенок не находятся в слиянии, испытывая разные чувства в одно и то же время, контактируя друг с другом. Р. Руссийон пишет, что прикосновения матери собирают существо ребенка в единое целое, а взаимное удовольствие от этого только усиливается в процессе ухода за ребенком. Это неоднократно отмечалось выше представителями других психоаналитических подходов. Однако Р. Руссийон делает из этого вывод, что первые удовольствия субъекта являются удовольствиями объекта, с которым он находится в отношениях. Следовательно, основной материнской задачей выступает развитие и проявление собственной эмпатии в отношении к ребенку. Эмпатия является ключевой психологической характеристикой адекватных отношений матери и ребенка, необходимых для его нормального развития, поскольку образ своего Я основан на том факте, каким образом другие нас видят. Поэтому у нарцисса нет способности увидеть себя; нарушена его потребность быть увиденным при отсутствии знания о том, что реально чувствуют другие люди по отношению к нему. Аутоэротизм пересмотрен Руссийоном: в него включено не только удовлетворение телесных, но познавательных, коммуникативных потребностей и потребности в самосохранении. Согласно представлениям Руссийона, осознание материнской фигуры возможно на стадии вторичного нарциссизма. Важно, что осознание собственной

субъектности нарцисса происходит при осознании внутри себя источника влечений, поэтому истерические потери себя, связанные с ложью и обманом, устремленные к идентификации с другими, потребностью в их любви в данном рассмотрении связаны с поиском источника собственных влечений при отсутствии понимания его местонахождения (*Roussillon, 2011; 2015*). Нарциссы игнорируют влечения и чувства других людей, а собственная субъектность воспринимается ими как «объектность» (*Rustin, 2017*). Следовательно, в случае истерии при обилии объектов в указанном смысле отсутствует субъект, а в нарциссизме, наоборот, нет удовлетворительных объектов. Р. Руссийоном проведен ряд исследований, подтверждающих эти положения. Так, он отрефлектировал классическую концепцию первичного нарциссизма в призме идей Д. В. Винникотта, показал его вклад в понимание развития ребенка и глубокие теоретические взаимосвязи с идеями З. Фрейда (*Roussillon, 2015*). Д. Винникотту удалось внести между индивидом и его самочувствием материнский объект, ставший аффективным зеркалом и идентификационной средой, тем самым был разрушен нарциссический солипсизм (*Winnicott, 1965*). Р. Руссийон показывает, что результаты исследований Д. Винникотта позволяют пересмотреть теорию нарциссизма, делая данное явление анализируемым со стороны субъекта и объекта, что понимается как «денарциссизация» психоанализа (*Roussillon, 2011, p. 191*). Этот результат может быть понят и как аналитическая возможность работы с истерией в отношении обнаружения истериком себя в этом «зеркале», что вновь показывает фундаментальную близость процессов развития истерии и нарциссизма, а значит, и терапии последних.

В другом исследовании, рассматривая символизирующую функцию объекта, Р. Руссийон доказывает, что символические объекты должны подбираться первичным объектом и создавать дифференциальное поле между объектом и объектными отношениями. Подчеркивается, что игра с первичными объектами-символами рождает аутоэротизмы как дополнения и прибавления к объектам, вовлеченным в игру, репрезентации, аффективно связанные с активностью. Следовательно, игра становится «анализатором» отношений с объектом, что вновь отсылает к работам Д. Винникотта (*Винникотт, 2006*). Р. Руссийон делает вывод о диалектическом взаимодействии использования объектов и объектного отношения (*Roussillon, 2012*). Метафора игры сопровождает представления об этих процессах в работах Г. С. Салливана, в которых прослеживается прямая полемика с идеями З. Фрейда относительно развития истерии. В частности, Г. С. Салливан исходит из его мысли о страдании истерика по поводу его собственных воспоминаний, размышляя, что истерия является патологическим нарушением, появляющимся в результате амнезии жизненных ситуаций, давно пережитых личностью. Эти ситуации, по Г. Салливану, связаны с межличностными взаимоотношениями, вызвавшими страх, от которого человек старается защититься, на чем основаны дальнейшие психологические проблемы в межличностном общении и отношениях (*Sullivan, 1947*). Несколько позднее Салливан пересмотрел свои взгляды, охарактеризовав истерию как специфическую форму

межличностных отношений и связанного с ними поведения личности, направленного на получение одобрения и восхищения от окружающих. Сутью этого поведения является игра, дающая необходимое ощущение безопасности (*Sullivan, 1953*). Подчеркнем, что дальнейшего развития эти идеи в его работах не получили, так как Салливан концентрировался на проблемах шизофрении и невроза навязчивых состояний. Однако сам факт обращения к отношениям связывает его работы с пониманием истерии А. Адлером, который относил ее к эмоциональным переживаниям, связанным с чертами характера, формирующимися в ходе семейного воспитания: беспомощностью, трусостью, неуклюжестью, робостью, агрессией и др. Адлер полагал, что нарушение в развитии социального чувства связано не с биологическими, а собственно социальными причинами, в которых ребенку приходится стремиться к становлению лидером или героем, чтобы его заметили, привлечь к себе внимание. Такие дети, по Адлеру, говорят либо очень много, либо очень мало, часто озлоблены и т. д. (Адлер, 2017). Возвращаясь к воззрениям Г. Салливана, подчеркнем, что его идея о представлении поведения истерика как игровой активности, близкой к театральной, связывалась затем с отсутствием ядерной структуры истерической личности, проявляющейся поэтому в большом диапазоне вариантов (*Petrilowitsch et al., 1967*). Основываясь на обобщении этих идей, Р. Руссийон показал, что игровая природа манипуляций нарцисса на психоаналитической сессии и истерика в его фантазиях имеют основания в диалектическом взаимодействии объектов и объектных отношений (*Roussillon, 2012*). Данное взаимодействие можно рассматривать как одну из «точек пересечения» нарциссизма и истерии наряду с нарушениями эмпатии, связанными с отношениями с первичным объектом, в результате которых у истериков и нарциссов возникают эмоциональные проблемы и трудности в отношениях.

Идея классического психоанализа о возникновении первичного нарциссизма в связи с появлением аутоэротизма как телесного проявления любви к себе, вызывающей удовлетворение собственных телесных потребностей (Фрейд, 2010), была подвергнута критике А. Грином. Он показал, что появление аутоэротизма невозможно без объекта, с любовью относящегося к субъекту; значение имеет отражение данного объекта в глазах субъекта. Это возвращает к проблеме отражения, связанной с самосознанием нарциссов и истериков, их самоутратой, о чем было сказано выше. В качестве объекта любви исходно выступает мать младенца, качество любви которой, по А. Грину, влияет на первичный нарциссизм, а значит, и на аутоэротизм. Грин считает, что именно первичный объект запускает аутоэротизм и первичный нарциссизм субъекта на первом году его жизни. Из этого следует, что способность взрослого к любви и заботе о себе напрямую связана с качеством материнской любви к нему самому в указанный возрастной период (Грин, 2007; *Ellis, 1998*). Это отсылает к классическим представлениям об истерии, связанным с принятием ребенка матерью и степенью удовлетворения его потребностей, что может вести к невротизации ребенка (*Lash, 1979; Roussillon, 2012*). Обобщая данные психоаналитических исследований в области истерии, А. Грин в

работе «Истерия» показал, что истерическая структура имеет латентное ядро, которое может быть проявлено. Ставя под сомнение фаллическую фиксацию генитальной истерии, на которой настаивал З. Фрейд, А. Грин предлагает сосредоточиться на оральной фиксации, характеризующейся признаками токсикофилии, отыгрывания, глубокой зависимости, депрессивными и суицидальными тенденциями. В силу фантазии либидинозные и агрессивные импульсы влечений получают смысл, а в результате стимуляции фантазии повышается аффективность влечений. Как отмечает Грин, истерик растворяется в этих аффектах (*Green et al.*, 1970), что с нашей позиции и означает утрату себя. Истерическое желание ведет к наказанию со стороны Суперэго, основной истерический конфликт состоит в неспособности связывать сохранную родительскую любовь с новым объектом, получающим фаллическое значение, в собственном сексуальном опыте. Утрата первичного объекта вызывает печаль, что связано с разлукой и страхом потери. Фантазия закрепляет связь с родительским объектом и одновременно удерживает личные стремления Эго от их интериоризированной формы. Для взрослого истерика фантазия становится защитой от реальных межличностных взаимоотношений с другими людьми. Целью защиты является установление преграды сексуальному самовыражению, самостоятельности и автономии, поскольку истерик не может усомниться в превосходстве и значимости родительских объектов. Возникают регрессия и инфантилизация, препятствующие вторжению влечений, что ведет к контролю за объектом и частой смене сексуальных отношений, которые вынужденно приносят неудовлетворенность и разочарованность. А. Грин пишет, что сексуальное удовлетворение становится невозможным, а разочарование в партнерах – необходимым для их смены. Это запускает систему повторов в отношениях, закрепляясь в паттерне сексуального поведения, постепенно становящемся частью образа жизни истерика. Поэтому, вероятно, они забывают лица «любимых» людей. Интересным в рассматриваемом нами смысле является смена удовольствия неудовольствием, за счет которой сохраняется и поддерживается образ запрета на любое удовлетворение. Нарушение этого запрета означало бы для истерика отказ от родительского образа, т. е. от эротизируемого Суперэго. Хорошие объекты всегда существуют для удовлетворения других. Любой объект, к которому возникает искомое отношение, либо представляется неспособным принести удовлетворение, негодным и злым, либо сам субъект считает себя злым, что переносится на объекты (*Green et al.*, 1973). Это подтверждают результаты психоаналитических исследований В. Капсамбелиса и Р. Руссийона в отношении истерика к объекту его желания.

Конверсия становится модальностью механизма сгущения аффектов, когда истерик конденсирует идентификации и осваивает исключаящие друг друга роли. По А. Грину, это служит собиранию сил, росту энергии, которую поглощает конверсия. Все, что истерик получает от других, сразу отвергается или устраняется как нежелательное, нелегальное, поэтому прилагаемые к удовлетворению силы оказываются тщетными. Истерик существует за счет самопоглощения, однако при взгляде на него

со стороны может сложиться впечатление, что он все время отбирает что-то у других (*Green et al.*, 1970; 1973). Заметим, что сходное впечатление может сложиться и при постороннем взгляде на поведение и общение нарцисса, что объясняется сходствами его проявлений с эгоизмом (Фромм, 2016). Поэтому А. Грин пишет, что истерик желает быть ребенком, сосущим грудь, или грудью, которую сосет ребенок, что для него остается неделимым, так как поддерживает целостность, процессуальность, нераздельность. Отсутствие удовлетворенности истерика ведет к постоянному обвинению других, связано с развитием истерической депрессии. Отсюда, вопреки классическим взглядам, открываются пути анализа связей истерии и депрессии, промежуточной области нарциссических неврозов, расположенных между переносом и психозом (*Green et al.*, 1970; 1973; 1983а). А. Грин вносит ряд важных уточнений в соотношение истерии и психоза, указывая, с одной стороны, что в истерической структуре есть психотизирующий фактор, столкновение с которым происходит в ряде пограничных состояний, имеющих истерический аспект, связанный с борьбой за утраченный объект. С другой стороны, по А. Грину, в ряде психозов есть истерический фактор (например, в маниакальном психозе), причем в структуре, например, бреда или параноидальной шизофрении выражен истерический оттенок. Здесь Грин подчеркивает, что наиболее благоприятной в своем развитии и лечении является как раз истероидная форма психоза (Грин, 2005; *Green*, 2011). Интересна концепция «белого психоза» А. Грина, выступающего как специфический паралич мыслительной активности, связанный с идеей «мертвой матери», т. е. психически «умершей», неживой. Это материнская фигура, ничего не инвестирующая в ребенка, но оставляющая в нем от себя такую пустоту как специфический психический и жизненный след. Грин говорит, что стремление к жизни связывает и объединяет, а влечение к смерти, напротив, ведет к разрывам, расщеплениям, оставляя «дыры» и пустоты (Грин, 2005), в чем он сходен с позициями З. Фрейда (Фрейд, 2010) и Э. Фромма (Фромм, 2016). Эта внутренняя пустота и связанное с ней отчуждение просматриваются и в ситуации нарцисса, что, как было указано выше, связывается в целом ряде исследований с исходным дефицитом эмпатии, понимания и поддержки матери, ее отчужденностью. Таким образом, становится понятно, что дефицит материнской поддержки и адекватного взаимодействия с ребенком становится ключевым фактором дальнейшего развития не только в положительном, но и в отрицательном смысле. На последнем из них и делает акцент А. Грин. Возвращение расщепленного невыносимо болезненно и угрожающе опасно, сравнимо с агонией, поэтому расщепление изгоняется путем психосоматизации или отдельных действий (*Green*, 1975; 2007). А. Грин считает «работу негатива» невероятно важным терапевтическим основанием, приводящим к осознанию недостатка и его принятию, что открывает новый опыт, объектные отношения и новые жизненные перспективы (*Green*, 1975, 2002). В психотическом расстройстве личности эта пустота, или пробел, очень обширна и приводит к психической дезорганизации, вызывая необходимость ее заполнения, засасывая индивида в себя, что и является смертельно опасным

(Green, 2011). Итак, дефицит материнской любви и понимания, своеобразная эмпатическая недостаточность являются действующей силой негатива, приводящей к психотическому расстройству личности, следовательно, данный дефицит выступает следующей «точкой пересечения» исследуемых линий нарциссизма и истерии.

Наиболее общей концепцией объяснения взаимосвязи нарциссизма и истерии во французской школе психоанализа выступает изложенная в работе «Истерия и пограничные состояния: хиазм. Новые перспективы» А. Грина исследовательская позиция, открывающая возможности взаимного «превращения» нарциссизма и истерии (Грин, 2002). А. Грин пришел к выводу о необходимости выстраивания концептуальной рамки данной взаимосвязи в психоанализе, не ориентируясь на многочисленные симптоматические и феноменологические проявления, представленные клиническими данными (Грин, 2007; Green, 2002), что видится крайне значимым в понимании методологического развития психоанализа в рассматриваемом нами ключе, а также помогает сделать практические выводы относительно терапевтических возможностей психоаналитической работы с нарциссизмом и истерией. А. Грин создал унифицированную психоаналитическую теорию взаимосвязи истерии и нарциссизма, раскрывающую нарциссические аспекты истерического расстройства и истерические оттенки нарциссических нарушений и черт характера.

Идея хиастического отображения этих структур, выдвинутая А. Грином, показывает, с одной стороны, их соединение, переплетение, пересечение и общее основание, а с другой стороны, позволяет выявить особенности проявления, развития каждого из них, заложить основания психотерапии (Грин, 2007). Это подтверждается исследованиями других авторов, показывающих, что «...пациенты, которых Фрейд считал невротиками эдипова уровня, являются весьма нарциссическими, пограничными и даже психотическими с точки зрения современных диагностических стандартов» (Carveth, 2009, p. 626). Отображение и пересечение идет по ряду ключевых для психоаналитического подхода параметров: цели, конфликту, травме, механизмам психологической защиты, бессознательному, телу, аффектам, представлениям, Эго, объекту, Суперэго (Грин, 2005; 2007). Эти параметры являются наиболее полным набором психоаналитических характеристик – указывающих на генезисные, смысловые, логические и терапевтические «пересечения» нарциссизма и истерии, а также линий их психоаналитического изучения, – обобщенным в теории «хиазма»:

1. Рассматривая пограничные состояния личности, А. Грин показывает, что к ним относятся разные проявления психики, но основание их всегда составляют нарциссизм, мазохизм и деструктивность. Истерия же является неврозом с центральной проблемой любви и сексуальности.

2. Фундаментальный конфликт истериков состоит в противопоставлении формы и содержания генитальной любви, где формой является проявление взрослой генитальной сексуальности, а содержанием – инфантильная догенитальная сексуальность. Для нарциссизма конфликт связан с хрупкостью границ Эго и деструктивными проявлениями, связанными

со страхами сепарации, интрузии, зависимости от всемогущего объекта, провала-разрушения, захвата плохим объектом и др. Страх сепарации при истерии есть, но преодолевается легче; в нарциссизме есть эротические проблемы, но лишь перекрывающие основной конфликт.

3. По параметру травматического опыта: нарциссы локализируют его на Эго, что связано с влиянием матери, а истерики поражены инцестуозным соблазнением.

4. В качестве механизмов психологической защиты могут быть различные варианты в обоих случаях, но наиболее характерными для истерии являются: вытеснение, забывание, отвержение, расщепление, отрицание, – которые сгруппированы в описанный выше комплекс работы негатива. В отношении нарциссических проявлений это механизмы обесценивания, идеализации, проекции, отрицания и др.

5. По параметру бессознательных фантазмов истерия имеет богатое историческое описание, связывающее ее с обманом и ложью, но Грин предлагает внимательнее рассматривать каждый случай во взаимосвязи проявленных механизмов защиты и неосознаваемого содержания, что помогает выявить форму, которая этим содержанием поддерживается. У нарциссических личностей речь идет о сильных импульсах влечений Ид, отражающихся в теле и действиях, что запускает деструктивные «драконовские защиты» (пищевые аддикции, соматические регрессии, бегство в сон, суицидальное поведение и др.), направленные на объект или на Эго.

6. По параметру отношения к телу для истерии характерны диссоциации и уже описанный механизм конверсии. При этом истерики скрывают свои сексуальные беспокойства, выделяя беспокойства, связанные со здоровьем, питанием и др. Тело истерика должно страдать, чтобы быть и чувствоваться, нивелируя стремления к удовольствию. У нарциссов эти истерические проявления выражаются в феноменах идеализации, отрицания, расщепления, стремления к защите по их представлениям слишком слабого объекта и др., что служит проявлениям агрессивности и высокой чувствительности к физическим и моральным нуждам других людей.

7. По параметру аффектов истерию характеризуют страхи и тревоги, повышающиеся при генитальной фиксации, а нарциссизм – катастрофические страхи (*Bion*, 1962; 1963; 1970) и «мученические страхи» (*Winnicott*, 1965; Винникотт, 2006), а также зависть, ярость, беспомощность. Депрессия может возникать как угроза между нарциссизмом и истерией, обретая разные формы, что связано с переживанием траура.

8. По параметру представлений истерии свойственны иррациональные, довербальные формы, восходящие к языку тела, зеркальному общению матери и младенца. Поэтому им порой кажется, что слова не нужны, а остальные должны догадываться и понимать их. Для нарциссов характерна репрезентативная несостоятельность как отсутствие способности к представлениям, которые поглощаются движениями влечений.

9. У истериков и нарциссов ослабленное Эго, причем для вторых это наиболее явно: они представляются обиженными в самом своем существе. Грин в данном отношении обращает внимание на идентификационную

защиту истериков, которые скрывают свои подлинные переживания и мысли, создавая идентификационную путаницу.

10. В объектных отношениях истерики имеют догенитальную, оральную фиксацию, нарциссы же – анально-эротическую, из-за чего у них возникает страх сепарации и интрузии.

11. Связываемое с Суперэго неосознаваемое чувство вины вызвано страхом запретных (агрессивных, эротических) желаний, необходимостью с ними бороться, сохранять вытесненными. Преследование, идеализация и суицидальные попытки нарциссов в объектных отношениях с аналитиком могут иметь более сложное и драматичное развитие, чем с истериками (Грин, 2007).

Обобщая аналитические различия и их описания, А. Грин отмечает, что пограничные случаи являются отягощенной формой относительно организованного истерического Эго. На этой основе Грин подчеркнул высокое значение бисексуальности при истерии и ее расщепленность в нарциссизме, колебательные движения в континууме истерия – депрессия – нарциссизм, связанные с различиями в их тенденциях. Он писал, что истерики имеют тенденцию к повторению от фаллической и генитальной до оральной истерии, а нарциссы сохраняют тенденцию к объектному полюсу после регрессивных попыток (истерия здесь является одним из выходов). Анальные фиксации в истерии связываются Грином с невыносимыми особенностями поведения (провокациями, играми в отвержение, убеждениями в злом характере объекта и т. д.), а у нарцисса такое поведение выражено в хаотических и непонятных формах, гораздо менее ясных в анализе переноса. В отношениях переноса и контрпереноса у истериков включается эротизация, что значительно менее характерно для нарциссов, которые отыгрывают ситуации регресса. Важно подчеркнуть, что истерическая идентификация в нарциссизме не работает. На этом фоне А. Грин ставит и рассматривает вопрос отношения аналитика к истине в рассматриваемых случаях истерии и нарциссизма, где она подвергается искажению. Он приходит к выводу, что в классическом психоанализе ее исторический вариант есть цель анализа, а в современных работах усиливается ее необходимость, но ставится вопрос о принятии личности пациента. В практическом отношении важно, что в случае возвращения вытесненного содержания это значительно проще, чем в ситуации расщепления или отвержения (Грин, 2007). Таким образом, помимо выделенных параметров хиазма нарциссизма и истерии значение имеют бисексуальность, тенденции в фиксациях на разных стадиях развития либидо, различия в отношении переноса и контрпереноса. Идеи А. Грина в его теории хиазма могут быть поняты как обобщающие в отношении обоснования взаимосвязей нарциссического и истерического расстройств личности, что придает им особую значимость.

Таким образом, взгляды современных французских психоаналитиков подтверждают существование взаимосвязей между нарциссическими и истерическими нарушениями личности. В их работах переосмысливается первичный нарциссизм и аутоэротизм, проясняется значение социального окружения в развитии нарциссизма, раскрываются психологические

особенности влияния первичного объекта, символических объектов, эмпатии, самоанализа, игры. На этой основе разрабатываются новые пути психоаналитической работы с данными категориями пациентов. Следовательно, можно заключить, что выявленные и теоретически обоснованные в психоанализе взаимосвязи нарциссизма и истерии позволяют продуктивно перестроить современную терапевтическую практику, принимая в расчет полученные исследовательские результаты. Так, ключевые психоаналитические параметры хиазма истерии и нарциссизма, по А. Грину, могут быть использованы в аналитической практике для понимания структуры личностного нарушения, его функциональных особенностей, динамики и логики генеза. По ним можно установить скрытые и явные проявления данного нарушения, соотнести личную жизненную историю и проблемы, с которыми сталкивается человек, с их проявлениями на биологическом, психическом, социальном и культурном уровнях.

По итогам данного исследования можно сделать ряд **выводов**:

1. Исторически понимание истерии и нарциссизма является наиболее известным предметом психоаналитической работы, связано с разработкой методологии данного направления и получением исследовательского опыта. Исследовательские линии, связанные с истерией и нарциссизмом, долгое время не пересекались, развиваясь в классическом и современном психоанализе параллельно, однако при детальном рассмотрении отдельных аспектов и вопросов, связанных с их появлением, удастся обнаружить значительные совпадения в переживаниях, обстоятельствах жизни и развития нарциссов и истериков.

2. Возникновение рассматриваемых личностных нарушений связано с ситуацией дефицита эмоционально открытых, эмпатических детей в отношениях с отчужденной и холодной матерью, адекватных его возрасту, что оставляет глубокий эмоциональный след в жизни человека. Эта пустота осуществляет работу негатива, связанную с нарушением жизненных процессов, что может приводить к психозам.

3. Нарушения адекватного эмоционального общения с матерью приводят к утрате чувства безопасности, появлению тревоги, неуверенности в себе, поиску защиты и проявлению агрессии (в случае нарциссизма), демонстративности поведения и потребности в постоянном восхищении (в случае истерии). В конечном счете речь идет об утрате себя, собственной субъектности, самостоятельности, самооценности и автономии, что выражается в многочисленных трудностях взрослой жизни.

4. В основе обоих видов нарушений выделяются внутренние конфликты, которые затем переносятся вовне, выражаясь в столкновениях с другими людьми и жизненными обстоятельствами. Нарциссы и истерики желают видеть собственное отражение в глазах другого, что связано с нарушениями их самооценки и самоотношения, из-за чего они не могут выстроить адекватных межличностных и любовных взаимоотношений.

5. Представители французской школы психоанализа обобщили богатый опыт исследований, переосмысливая логику развития нарциссизма и истерии, анализируя объединяющие их детали на основе параллельного изучения данных нарушений в клиническом, метапсихологическом

и постмодернистском подходах. Они выделяют ключевое значение контакта ребенка с матерью и качества их эмпатического взаимодействия в отношении качества любви и возникновении нарциссических и истерических нарушений.

6. «Хиастическая» концепция взаимосвязи истерии и нарциссизма А. Грина представляет данную взаимосвязь как «пересечение» личностных нарушений по ряду ключевых для психоаналитического подхода параметров: цели, конфликту, травме, механизмам психологической защиты, бессознательному, телу, аффектам, представлениям, Эго, объекту, Суперэго. Данная концепция позволяет прослеживать истерические проявления в нарциссическом расстройстве и нарциссические черты в истерии, сохраняя их базовые различия и выделяя особенности развития.

7. На основе теоретического обоснования взаимосвязи нарциссизма и истерии выявляется возможность более эффективной терапевтической работы с данными нарушениями у пациента на основе более точного распознавания структуры, функций и генеза личностного нарушения, его соотнесения с личной историей жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка. М., 2017.
2. Винникотт Д. В. Эго в терминах истинного и ложного «Я» // Консультативная психология и психотерапия. 2006. Т. 14 (1). С. 143–154.
3. Гиниятова Е. В., Семенюк К. А., Пономарева О. М., Запекин С. Г. Нарциссизм в современной визуальной культуре: феномен селфи // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 5–13.
4. Грин А. Истерия и пограничные состояния. Хиазм – новые перспективы // Уроки французского психоанализа: десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу / Пер. с фр. М., 2007.
5. Грин А. Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб., 2005.
6. Гринсон Р. Р. Техника и практика психоанализа / Пер. с англ. Э. Р. Зимина. М., 2003.
7. Егоров А. В. Соматические проявления как защитная функция Я у истероидного типа личностной организации // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2019. № 4. С. 35–43.
8. Жилин В. О. Истерошизофрения (дефицитарные расстройства, клиника, терапия): дис. ... канд. мед. наук. М.: Научный центр психического здоровья, 2020.
9. Капсамбелис В. Между Нарциссом и Эдипом: семинар в ВШЭ, 2021.
10. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М., 2012.
11. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М., 2001.
12. Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 2010. С. 30–48.
13. Мазин В. З. Фрейд: психоаналитическая революция. Нежин, 2011.

14. Мешандин И. А., Тетерина М. Н. К вопросу изучения невротических состояний // Психическое здоровье. 2016. Т. 14. № 3 (118). С. 73–84.
15. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М., 2017.
16. Мясищев В. Н. О генетическом понимании психоневрозов // Советская невропсихиатрия. Ленинградские сборники. М., 1949. С. 112–140.
17. Попов С. М. История формирования концепций и современные представления об истерии при эндогенных психических расстройствах // Психиатрия. 2019. Т. 17. № 4 (84). С. 90–101.
18. Психоанализ: учебник для бакалавров и магистратуры / М. М. Решетников, С. В. Авакумов, Ю. А. Баранов; под ред. М. М. Решетникова. М., 2016.
19. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. ВЕИП, 1995.
20. Рождественский Д. С. Психосоматика: психоаналитический подход. М., 2019.
21. Руссийон Р. Символизирующая функция объекта // Французская психоаналитическая школа. СПб., 2005 С. 285–299.
22. Семке В. Я. Истерические состояния. М., 1988.
23. Стайнер Дж. Беспомощность и власть в аналитическом сеансе // Международный психоаналитический ежегодник. 2013а. Вып. 3. Т. 91–92. С. 144–157.
24. Стайнер Дж. Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов / Пер. с англ. З. Р. Баблюян. М., 2013b.
25. Ткаченко Н. Т. Системный анализ этиологии истерического невроза у женщин // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2016. № 3. С. 96–100.
26. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 2010.
27. Фрейд З. Фрагмент анализа одного случая истерии. Случай Доры (1905) // Истерия и страх. М., 2006.
28. Фромм Э. Человек для себя / Пер. с англ. А. Александровой. М., 2016.
29. Хорни К. Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию. СПб., 2020.
30. Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности. Психология нарциссических расстройств личности. М., 2017.
31. Balint M. (1965) Primary Love and Psychoanalytic Technique. London: Tavistock.
32. Bion W. R. (1962) Learning from Experience. London: Heinemann.
33. Bion W. R. (1963) Elements of Psychoanalysis. London: Heinemann.
34. Bion W. R. (1970) A theory of thinking. International Journal of Psychoanalysis, 43: 306–310.
35. Carveth D. L. (2009) Self-Punishment as Guilt Evasion: The Case of Harry Guntrip // Psychoanalytic Quarterly, 78: 625–626.
36. Ellis H. (1998) Auto-erotism: A psychological study. Alienist and Neurologist, 19.P. 260–299.
37. Green A., Donnet J.-L. (1973) L'enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche. Éd. De Minuit.

38. *Green A.* (1975) The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting (On Changes in Analytic Practice and Analytic Experience) – In Memory of D.W. Winnicott. *International Journal of Psychoanalysis*, 56:1–22.
39. *Green A.* (1983a) *Narcissisme de Vie, Narcissisme de Mort*. Paris: Editions de Minuit.
40. *Green A.* (1983b) *Le narcissisme morale. Narcissisme de Vie, Narcissisme de Mort*. Paris: Editions de Minuit. P. 177–207.
41. *Green A.* (2002) Dual Conception of Narcissism: Positive And Negative Organizations. *Psychoanalytic Quarterly*, LXXI.
42. *Green A.* (2011) *Le Travail du négatif*. Les Editions de Minuit.
43. *Hoch Ph., Polatin P.* (1949) Pseudoneurotic forms of schizophrenia. *Psychiatr Q.* 23: 248–276.
44. *Kernberg O. F.* (1975) *Bordeline Conditions and Pathological Narcissism*. New York: Jason Aronson.
45. *Khan M. M. R.* (1974) *The privacy of the self*. New York: International Universities Press.
46. *Lash C.* (1979) *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Returns*. New York: W. W. Norton.
47. *McGinley E., Varchevker A.* (2018) *Enduring Loss*, Taylor and Francis. P. 11–43.
48. *Petrlowitsch N., Baer R.* (1967) Psychopathie 1945 bis 1966. *Fortschr Neurol.* P. 35–557.
49. *Rosenfeld H.* (1971) A Clinical Approach to the Psychoanalytic Theory of the Life and Death Instincts: An Investigation into the Aggressive Aspects of Narcissism. *International Journal of Psychoanalysis*. 52: 169–178.
50. *Rosenfeld H.* (1987) Projective identification in clinical practice. In: *Impasse and Interpretation*. London: Tavistok. P. 157–190.
51. *Roussillon R.* (2012) *Agonie, clivage et symbolisation*. Paris: Presses Universitaires de France.
52. *Roussillon R.* (2015) An introduction to the work on primary symbolization. *Int J Psychoanal*, 96: 583–594.
53. *Roussillon R.* (2011) Paradoxes et situations limites de la psychanalyse. *L'annee psychanalytique internationale*, 1: 177–193.
54. *Roussillon R.* (2011) Deconstruction du narcissisme primaire // *L'annee psychanalytique internationale*. № 1. C. 177–193.
55. *Russel G. A.* (1985) Narcissism and the narcissistic personality disorder: A comparison of the theories of Kernberg and Kohut. *British Journal of Medical Psychology*, 58: 137–148.
56. *Rustin M.* (2017) *Narcissism and Melancholia from Psychoanalytical Perspective of Object Relations*. Palgrave Macmillan. P. 41–58.
57. *Schaeffer J.* (2000) *L'hysterie: une libido en crise face a la difference des sexes // Le Guen A., Anargyros A., Fanin C. (dir.) Hysterie*. Paris: Presses Universitaires de France. P. 107–138.
58. *Sullivan H. S.* (1947) *Conceptions of Modern Psychiatry*. Wash., D. C.: Wm. Alanson White Psych. F.
59. *Sullivan H. S.* (1953) *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. New York: W. W. Norton & Co.

60. Winnicott D. W. (1965) The Maturation Process and the Facilitating Environment. London: Hogarth.

Psychoanalytic view on the relationship between hysteria and narcissism

*A. A. Stepanova,
A. S. Leikina*

Stepanova Alexandra A., psychoanalytic psychotherapist, clinical psychologist.

Leikina Asya S., PhD in Philology, psychoanalytic psychotherapist, Associate Professor of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Higher School of Economics, clinical psychologist, certified master supervisor of the Association for Psychoanalytic Coaching and Business Consulting.

A significant part of psychoanalytic research focuses on the consideration of hysteria and narcissism as separate personality disorders. However, carried out an analysis in this dissertation is showing that, starting from classical psychoanalytic views to modern ideas about these phenomena, it's possible to identify the points of their intersection. Generalized psychoanalytic ideas about narcissism and hysteria, their origin and types. Special attention was paid to the French psychoanalytic school's research, especially the chiasm's concept of narcissism and hysteria by A. Green, where were revealed the key psychoanalytic parameters of these phenomena's relationship. Traced the changes in the methodological transition from description of these disorders symptomatic manifestations analysis to the construction of models, theories and concepts in their understanding. This research was shown the structural, functional, genetic intersections and the possibilities of these disorders mutual "transformation", their connections with object relations, conflict, tendencies, bisexuality, etc. Theoretically was substantiated the existence of the connection between hysteria and narcissism, as well as the possibility of increasing the therapeutic effectiveness of psychoanalytic work with these personality disorders, it means personality with narcissistic hysterical manifestations and hysterics narcissistic characteristics.

Keywords: psychoanalysis, hysteria, narcissism, chiasm, relationship, personality disorder, object relations, conflict, fixation, empathy.